НИЗКОРАЗМЕРНЫЙ МАГНЕТИЗМ В НАМИБИТЕ Cu(BiO)₂VO₄OH

Л.В. Шванская ^{а,b*}, Т.Д. Бушнева ^а, А.Г. Иванова ^с, З.В. Пчелкина ^{d,e},

Т.М. Васильчикова^{*a,b*}, О.С. Волкова^{*a,b*}, А.Н. Васильев^{*a,b***}

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, Россия

^b Национальный исследовательский технологический университет МИСИС 119049, Москва, Москва

^с Федеральный научно-исследовательский центр «Кристаллография и фотоника» Российской академии наук 119333, Москва, Россия

> ^d Уральский федеральный университет имени С.М. Кирова и Б.Н. Ельцина 620002, Екатеринбург Россия

^е Институт физики металлов имени М.Н. Михеева Уральского отделения Российской академии наук 620990, Екатеринбург, Россия

> Поступила в редакцию 19 февраля 2022 г., после переработки 19 апреля 2023 г. Принята к публикации 23 апреля 2023 г.

Синтетический аналог редкого вторичного минерала намибита, Cu(BiO)₂VO₄OH, получен гидротермальным методом. В кристаллической структуре этого соединения присутствуют изолированные однородные цепочки медь-кислородных октаэдров, соединенных по вершине. Измерения магнитной восприимчивости χ и намагниченности M не дают указаний на формирование дальнего магнитного порядка в интервале температур 2–300 К. Измерения теплоемкости Ср позволяют предположить формирование спинстекольного состояния при низких температурах. Электронный парамагнитный резонанс в X-диапазоне регистрирует только сигнал от примеси при низких температурах. Первопринципные вычисления определяют обменное взаимодействие в цепочках J = 555 K, при том, что обменные взаимодействия между цепочками оказываются на один-два порядка меньшими. Тем самым, намибит представляет собой редкий пример неупорядоченной полуцелочисленной спиновой цепочки.

Статья для специального выпуска ЖЭТФ, посвященного 95-летию Л. А. Прозоровой

DOI: 10.31857/S0044451023100127 **EDN:** XRAJQZ

1. ВВЕДЕНИЕ

Среди разнообразных объектов низкоразмерного магнетизма изолированные цепочки спинов представляют особый интерес [1–7]. Однородная цепочка полуцелочисленных спинов не обладает щелью в спектре триплетных возбуждений, в изотропном лению дальнего магнитного порядка при T = 0 К [8]. Систему с малой обменной анизотропией можно описать чистой формой Гейзенберга JS_iS_j , тогда как форму Изинга $JS_i^z S_j^z$ следует использовать в сильно анизотропных случаях [9]. Температурная зависимость магнитной восприимчивости, $\chi(T)$, гейзенберговской антиферромагнитной цепочки со спином S = 1/2 демонстрирует широкий максимум при $T_{max} \sim 0.64 J$, где J представляет собой параметр внутрицепочечного обменного взаимодействия. С понижением температуры величина χ уменьшается примерно на 15% от своего значения в

случае она разупорядочена, но анизотропия обмен-

ного взаимодействия может приводить к установ-

^{*} E-mail: lshvanskaya@mail.ru

^{**} E-mail: anvas2000@yahoo.com

максимуме. Изинговская цепочка обнаруживает широкий максимум на кривой $\chi(T)$ при $T_{max} = 0.5J$, после чего восприимчивость стремится к нулю при T = 0 K.

В настоящей работе мы впервые представляем результаты синтеза, исследования термодинамических и резонансных свойств синтетического аналога намибита, $Cu(BiO)_2VO_4OH$, особенностью магнитной подсистемы которого являются изолированные однородные цепочки полуцелочисленных спинов на ионах двухвалентной меди.

2. СИНТЕЗ И ПЕРВИЧНАЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ

Намибит, Cu(BiO)₂VO₄OH, представляет собой редкий вторичный минерал гидротермальных полиметаллических жил и гранитных пегматитов. Впервые он был обнаружен в небольшой полиметаллической жиле в окрестностях Хориксаса в северозападной Намибии [10] и назван в честь пустыни Намиб. Недавно, в условиях гидротермального эксперимента при температуре 417°C и давлении 480-500 атмосфер был получен никель-фосфатный аналог намибита, Ni(BiO)₂PO₄OH [11]. До настоящего времени его магнитные свойства экспериментально не исследовались. Наши опыты по фазообразованию в системе Cu–V–Bi–O с карбонатами натрия и калия в качестве минерализаторов показали, что получение синтетического аналога намибита Cu(BiO)₂VO₄OH возможно при существенно более низких значениях температур и давлений, а именно 230°С и давлении до 300 атм. Пластинчатые кристаллы ярко-зеленого цвета синтетического намибита размером до 0.5 мм, как показано на рис. 1, были получены при соотношении основных компонентов: Cu : Bi : V = 2 : 3 : 5в присутствии 1 моля K₂CO₃. В этом случае основной побочной фазой при кристаллизации намибита является β -Bi₃O₃VO₄ в количестве около 30% от общего объема продуктов кристаллизации. Механическое разделение этих двух фаз не представляло сложностей, поскольку кристаллы отличаются и по цвету, и по морфологии.

Параметры элементарной ячейки для синтезированных монокристаллов Cu(BiO)₂VO₄OH определены на дифрактометре XtalLAB Synergy-DW с детектором HYPIX-Arc 150 (излучение Мо К α , графитовый монохроматор) при 100 К. Cu(BiO)₂VO₄OH кристаллизуется в триклинной сингонии, пространственная группа $P\overline{1}$, с параметрами элементарной ячейки a = 6.210(1), b = 7.398(1), c = 7.471(1) Å, $\alpha = 90.10(1)$, $\beta = 108.73(1)$, $\gamma = 107.47(1)^{\circ}$, V = 308.22(8) Å³, Z = 2. Эти данные находятся в хорошем согласии с параметрами природного намибита [12].

По данным качественного рентгеноспектрального анализа, выполненного на энергодисперсионном спектрометре JEOL JSM-6480LV Oxford X-MaxN в состав кристаллов входят атомы Cu, V, Bi и О. Фазовая чистота поликристаллического образца, отобранного для проведения физических измерений подтверждалась методом рентгенофазового анализа. Экспериментальная дифрактограмма получена на порошковом дифрактометре в геометрии Брэгга-Брентано с использованием излучения Си $K\alpha$ ($\lambda = 1.54187$ Å, 35 кВ, 25 мА, диапазон сканирования 10–70°, шаг: 0.01°, экспозиция 1 с). Основные экспериментальные пики соответствуют теоретическим для намибита, как показано на рис. 2. Наблюдается также несколько слабых примесных пиков с интенсивностью около 2%.

В кристаллической структуре

 $Cu^{2+}(Bi^{3+}O)_2V^{5+}O_4(OH)$

атомы Ві, V и O находятся в общих позициях, в то время как Cu1 и Cu2 располагаются в частных позициях с симметрией $\overline{1}$ [13]. Атомы меди находятся в искаженной октаэдрической координации по кислороду: 4 атома кислорода – на расстояниях 1.948, 1.967 и 1.939, 1.970 Å для Cu1 и Cu2, соответственно, и по два удаленных кислорода на расстояния 2.596 и 2.537 Å, соответственно, как показано на рис. 3. Исходя из угла связи Cu–O–Cu равного 142.5 градуса, можно предположить, что магнитный обмен внутри цепочки *J* составляет 500–600 K [13]. Такой величины достигает магнитный обмен в тенорите CuO по связи Cu–O–Cu с углом ~ 148 градусов при длинах связей 1.95–1.96 Å [14].

 CuO_6 октаэдры связаны между собой по экваториальным вершинам, образуя цепочки, вытянутые вдоль оси *b*. Тетраэдры VO₄ армируют цепочки, присоединяясь вершинами к паре медьцентрированных октаэдров в шахматном порядке. Длины связей висмутовых полиэдров лежат в диапазоне от 2.17 до 3.39 Å. Атомы висмута образуют слои, параллельные плоскости (100), и располагаются среди гетерополиэдрических цепочек [Cu(VO₄)O₂(OH)], как показано на рис. 4. Позиции атомов водорода не установлены. Предполагается, что донором водородной связи является кислород, общий для соседних октаэдров Cu1O₆ и Cu2O₆.

Рис. 1. Изображения кристаллов Cu(BiO)₂VO₄OH в сканирующем электронном микроскопе (слева) и в оптическом микроскопе (справа)

3. ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИЕ И РЕЗОНАНСНЫЕ СВОЙСТВА

Температурные зависимости магнитной восприимчивости $\chi(T)$ в Cu(BiO)₂VO₄OH, полученные в режимах охлаждения в отсутствие магнитного поля (ZFC) и в присутствии магнитного поля (FC), совпадают в пределах экспериментальной погрешности, как показано на рис. 5. На вставке к этому рисунку показана температурная зависимость обратной магнитной восприимчивости, $\chi^{-1}(T)$, которая не поддается обработке с использованием закона Кюри $\chi = C/T$ или закона Кюри–Вейсса $\chi = C/(T-\Theta)$. Суммарная восприимчивость системы

$$\chi = \chi_0 + \chi_{chain} + \chi_{imp} \tag{1}$$

складывается из независящего от температуры вклада χ_0 , восприимчивости цепочек χ_{chain} и вклада от n_{imp} дефектов и примесей χ_{imp} , которые в первом приближении представляют собой невзаимодействующие парамагнитные центры, подчиняющиеся закону Кюри. Обработка экспериментальных данных позволяет оценить $n_{imp} = 0.05$ и $\chi_0 = -4.1 \cdot 10^{-4}$ emu/mol, что несколько превышает сумму диамагнитных констант Паскаля ионов в химической формуле Cu(BiO)₂VO₄OH [15].

Температурная зависимость изолированной цепочки спинов S = 1/2 описывается выражением [16]

$$\chi_{chain} = \frac{N_A g^2 \mu_B^2}{k_B T} \times \\ \times \left(0.25 + 0.074975 \frac{J}{k_B T} + 0.07523 \left(\frac{J}{k_B T} \right)^2 \right) \times \\ \times \left(1 + 0.9931 \frac{J}{k_B T} + 0.172135 \left(\frac{J}{k_B T} \right)^2 + \\ + 0.757825 \left(\frac{J}{k_B T} \right)^3 \right)^{-1}, \quad (2)$$

где μ_B , k_B , N_A — константы Бора, Больцмана и Авогадро, g = 2.22 представляет собой g-фактор, определенный из исследований ЭПР (см. ниже), J = 555 К — параметр обменного взаимодействия в цепочке, определенный в первопринципных вычислениях (см. ниже). Применимость этой формулы со стороны низких температур ограничена $T < 0.25J/k_B$ [16]. Кривая расчетной зависимости χ_{chain} , смещенной по оси ординат на величину χ_0 представлена сплошной линией на рис. 5.

Вклад примесей или дефектов, которыми могут служить, например, обрывки фрагментов цепочки, частично подавляется при измерениях в сильном магнитном поле. Однако общий вид зависимости

Рис. 3. Цепочка из связанных по вершинам CuO₆ октаэдров в кристаллической структуре Cu(BiO)₂VO₄OH. Указаны расстояния по результатам уточнения кристаллической структуры, согласно [12]

Рис. 4. Кристаллическая структура Cu(BiO)₂VO₄OH в аксонометрической проекции

при этом не меняется. Измерения в разных магнитных полях иллюстрируются рис. 6, на вставке к которому показана полевая зависимость намагниченности M при T = 2 К. В поле $\mu_0 H = 9$ Тл (верхний предел использованных магнитных полей) намагниченность не достигает даже $10^{-2}\mu_B$, что свидетельствует об очень большой величине параметра антиферромагнитного взаимодействия в цепочке.

Для исследования спектроскопии ЭПР использовалась установка на базе спектрометра ЭПР CMS 8400 (ADANI) (Х-диапазон, постоянная частота ~ 9.5 ГГц), оборудованная криогенной системой термостатирования и позволяющая проводить измерения спектров поглощения ЭПР в широком интервале температур от 6 до 300 К. Для Cu(BiO)₂VO₄OH в диапазоне температур 7– 40 К наблюдается анизотропная линия поглощения, характерная для ионов меди Cu²⁺. При температурах T > 40 К сигнал деградирует, что, по-видимому, позволяет приписать регистрируемые спектры дефектам, в качестве которых могут рассматриваться конечные спины на фрагментах медных цепочек. Эволюция спектров ЭПР с температурой показана на рис. 7.

При понижении температуры амплитуда сигнала возрастает. Интегральная интенсивность ЭПР χ_{ESR} , полученная путем двойного интегрирования первой производной линии поглощения, хорошо согласуется с данными статической восприимчивости $\chi(T)$, как показано на рис. 5. Порошковый спектр

Рис. 5. Температурные зависимости магнитной восприимчивости $\chi(T)$ в Cu(BiO)₂VO₄OH, полученные в режиме охлаждения в отсутствие магнитного поля (ZFC) и в присутствии магнитного поля (FC) $\mu_0 H = 0.5$ Тл. Зеленые символы отвечают значениям интегральной интенсивности ЭПР. Сплошной линией показан расчет магнитной восприимчивости изолированной цепочки спинов S = 1/2при значении обменного интеграла в цепочке J = 555 К. На вставке показана температурная зависимость обратной магнитной восприимчивости $\chi^{-1}(T)$

Рис. 6. Температурные зависимости приведенной намагниченности $\chi = M/H$ в Cu(BiO)₂VO₄OH в полях $\mu_0 H = 1$ и $\mu_0 H = 9$ Тл. На вставке показана полевая зависимость намагниченности M/H при T = 2 К

ЭПР при 7 К был аппроксимирован суммой двух анизотропных ромбических линий с $g_x \neq g_y \neq g_z$,

Рис. 7. Спектры электронного спинового резонанса в Cu(BiO)₂VO₄OH при низких температурах. На вставке красной линией показана аппроксимация спектра порош-ковой линией. Синяя и зеленая пунктирные линии отвечают разным компонентам Cu1 и Cu2, соответственно

Рис. 8. Температурная зависимость теплоемкости C_p в Cu(BiO)₂VO₄OH. Пунктиром показан вклад однородных цепочек со спином S = 1/2 и параметром обменного взаимодействия в цепочке J = 555 К. На вставке показана избыточная теплоемкость, обязанная формированию спинстекольного основного состояния

отвечающих ионам Cu1 и Cu2, как показано на вставке к рис. 7. Удовлетворительного соответствия модели и экспериментальных данных удалось до-

Рис. 9. Цепочки CuO₆ октаэдров вдоль оси *b* в Cu(BiO)₂VO₄OH. Обменные взаимодействия в цепочке (*J*₁) и между цепочками (*J*₂ и *J*₃) показаны толстой красной и тонкими синей и фиолетовой линиями, соответственно

стичь для $g_{\text{Cu1}} = 2.14$ и $g_{\text{Cu2}} = 2.29$. Полученные значения позволяют оценить эффективный *g*-фактор как

$$g_{av} = (g_{Cu1} + g_{Cu2})/2 = 2.22$$

Температурная зависимость теплоемкости $Cu(BiO)_2VO_4OH$ не содержит ярких аномалий в исследованном интервале температур, как показано на рис. 8. Вклад в магнитную часть теплоемкости от однородных цепочек может быть аппроксимирован функцией [16]:

$$C_{chain} = \frac{3R}{16(\frac{k_BT}{J})^2} \times \left(1 - \frac{1}{2}\frac{J}{k_BT} + \frac{9}{16}\left(\frac{J}{k_BT}\right)^2 - \frac{1}{8}\left(\frac{J}{k_BT}\right)^3 + \frac{7}{128}\left(\frac{J}{k_BT}\right)^4 + \frac{7}{1920}\left(\frac{J}{k_BT}\right)^5\right)^{-1}.$$
 (3)

Этот вклад для J = 555 К показан пунктирной линией на рис. 8. Разница между функциями C_p и C_{chain} при T > 30 К была аппроксимирована суммой дебаевской [17] и двух эйнштейновских функций [18] с весовыми коэффициентами a, т.е. $\Theta_D = 449$ К ($a_D = 4.3$), $\Theta_{E1} = 728$ К ($a_{E1} = 3.9$) и $\Theta_{E2} = 116$ К ($a_{E1} = 2.7$). Сумма весовых коэффицентов α_i равна 10.9, что близко к числу атомов на элементарную ячейку n = 12. Разница между полной теплоемкостью и решеточным вкладом представляет собой магнитный вклад в теплоемкость C_m , температурная зависимость которой при низких температурах показана на вставке к рис. 8. На

зависимости $C_m(T)$ присутствует размытый максимум при $T_G \sim 17$ K, что может свидетельствовать о формировании стекольного основного состояния, которое, однако, никак не отражается на температурных зависимостях магнитной восприимчивости, измеренных в режимах охлаждения в магнитном поле и без него.

4. ПЕРВОПРИНЦИПНЫЕ РАСЧЕТЫ

Расчеты электронной структуры для Cu(BiO)₂VO₄OH были проведены в рамках теории функционала плотности (density functional theory, DFT) в приближении обобщенного градиента (generalized gradient approximation, GGA) с использованием PBE (Perdew-Burke-Ernzerhof) обменно-корреляционного функционала [19] с помощью пакета программ VASP (Vienna ab-initio simulation package) [20,21]. В расчетах энергия обрезания плоских волн E_{cutoff} была взята равной 500 эВ. Интегрирование по первой зоне Бриллюэна проводилось с разбиением по k-точкам $4 \times 4 \times 4$. Корреляционные эффекты в 3d-оболочке атомов меди были учтены в рамках статического среднего поля в приближении DFT+U во вращательно инвариантной форме, предложенной в работе [22]. Расчеты были проведены для двух значений параметра кулоновского отталкивания $U = 8.5 \, \mathrm{sB}$ и $9 \, \mathrm{sB}$ и параметра хундовского взаимодействия $J_H = 1 \, \text{эB}$, которые близки к значениям, рассчитанным в работе [23]. Для зонных расчетов использовались экспериментальные данные по кристаллической структуре [13]. Позиции атомов водорода были получены в результате расчета по оптимизации кристаллической структуры. Основное состояние $Cu(BiO)_2VO_4OH$ в DFT+U расчете это изолятор с магнитным моментом на меди $0.75\mu_B$ и энергетической щелью 2.6 эВ (для U = 8.5 эВ), что согласуется с зеленым цветом кристаллов. Параметры обменного взаимодействия были вычислены с помощью процедуры, предложенной в работе [24], их значения приведены в таблице. Положительные значения J_i отвечают антиферромагнитному взаимодействию.

5. ОБСУЖДЕНИЕ

В ситуации, когда масштаб обменного взаимодействия *J* в изолированной спиновой цепочке сопоставим с комнатной температурой, низкотемпературные исследования малоинформативны. На первый план выходит отклик дефектов или примесей, которым в иных обстоятельствах обычно пренебрегают. С другой стороны, большая величина обменного взаимодействия задает большую длину корреляций в цепочке, что чрезвычайно важно для квантовой информатики.

Квантовая запутанность — это квантовомеханическое явление, при котором квантовое состояние системы многих тел описывается единой волновой функцией, независимо от того, насколько далеко друг от друга в пространстве находится каждое отдельно взятое тело. Однородная антиферромагнитно-связанная система спинов S = 1/2 в изолированной цепочке представляет собой пример такого квантово-механического запутанного состояния [25]. Измерения магнитной восприимчивости полуцелочисленной цепочки спинов позволяет выявить спиновую запутанность, тогда как намагниченность описывает локальные свойства цепочки. Намагниченность и ее дисперсия, что практически эквивалентно магнитной восприимчивости, удовлетворяют соотношениям дополнительности квантовой механики. Магнитная восприимчивость является макроскопическим свидетелем спиновой запутанности, которую можно обсуждать при температурах $T < T_c \sim 1.6J$ [26].

Установленная в наших расчетах величина параметра антиферромагнитного взаимодействия в цепочке качественно согласуется с оценкой этого параметра из измерений теплоемкости. Кроме того, величина J отвечает установленной в работе [14] тенденции изменения антиферромагнитного параметра обменного взаимодействия от ~ 0 К при величинах угла Cu–O–Cu около 90° до ~ 2000 К при величинах этого угла около 180°. Тем самым, исследованное соединение Cu(BiO)₂VO₄OH перспективно для изучения явления спиновой запутанности при комнатной температуре.

Финансирование. Авторы выражают благодарность за поддержку проведенных исследований Российским научным фондом, проект 22-22-00023. Монокристальный рентгеновский эксперимент выполнен с использованием оборудования ЦКП ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» при поддержке Министерства науки и высшего образования в рамках выполнения работ по Государственному заданию ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН.

ЛИТЕРАТУРА

- A. Vasiliev, O. Volkova, E. Zvereva, and M. Markina, NPJ Quant. Mater. 3, 18 (2018).
- T. Masuda, A. Zheludev, A. Bush et. al., Phys. Rev. Lett. 92, 177201 (2004).
- S.-L. Drechsler, O. Volkova, A. N. Vasiliev et. al., Phys. Rev. Lett. 98, 077202 (2007).
- M. Isobe, E. Ninomiya, A. N. Vasiliev, and Y. Ueda, J. Phys. Soc. Jpn. 71, 1423 (2002).
- S.-L. Drechsler, J. Richter, A. A. Gippius et. al., Europhys. Lett. 73, 83 (2006).
- A. N. Vasiliev, L. A. Ponomarenko, H. Manaka et. al., Phys. Rev. B 64, 024419 (2001).
- A. I. Smirnov, M. N. Popova, A. B. Sushkov et. al., Phys. Rev. B 59, 14546 (1999).
- E. Lieb, T. Schultz, and D. Mattis, Ann. Phys. 16, 407 (1961).
- J. C. Bonner and M. E. Fisher, Phys. Rev. A 135, 640 (1964).
- O. von Knorring, and T.G. Sahama, Schweiz. Miner. Petrog. 61, 7 (1981).
- S. M. Aksenov, V. S. Mironov, E. Yu. Borovikova et. al., Sol. St. Sci. 63, 16 (2017).
- 12. U. Kolitsch and G. Giester, Am. Miner. 85, 1298 (2000).
- 13. X. Rocquefelte, K. Schwarz, and P. Blaha, Sci. Rep. 2, 759 (2012).

- 14. G. Tunell, E. Posnjak, and C. J. Ksanda, J. Wash. Acad. Sci. 23, 195 (1933).
- 15. G. A. Bain and J. F. Berry, J. Chem. Educ. 85, 532 (2008).
- 16. D.C. Johnston, R.K. Kremer, M. Troyer, et al., Phys. Rev. B, 61, 9558 (2000).
- 17. R. J. Goetsch, V. K. Anand, A. Pandey, and D. C. Johnston, Phys. Rev. B 85, 054517 (2012).
- **18.** A. Tari, *The Specific Heat of Matter at Low Temperatures*, Imperial College Press (2003).
- 19. J. P. Perdew, K. Burke, and M. Ernzerhof, Phys. Rev. Lett. 77, 3865 (1996).
- 20. G. Kresse and J. Furthmüller, Comput. Mater. Sci.6, 15 (1996).

- 21. G. Kresse and J. Furthmüller, Phys. Rev. 54, 11169 (1996).
- 22. A. I. Liechtenstein, V. I. Anisimov, and J. Zaanen, Phys. Rev. B 52, R5467(R) (1995).
- 23. V. I. Anisimov, J. Zaanen, and O. K. Andersen, Phys. Rev. B 44, 943 (1991).
- 24. H. J. Xiang, E. J. Kan, S.-H. Wei, M.-H. Whangbo, and X. G. Gong, Phys. Rev. B 84, 224429 (2011).
- 25. G. Mathew, S. L. L. Silva, A. Jain et. al., Phys. Rev. Res. 2, 043329 (2020).
- 26. M. Wiesniak, V. Vedral, and C. Brukner, New J. Phys. 7, 258 (2005).